

Какой ещё братец Бай?

Когда это в деревне появился кто-то настолько влиятельный, чтобы не просто знаться с людьми из ямэня, но и заслужить такое обращение?

Это же невероятно!

Все переглядывались, не понимая, о ком идёт речь.

Фамилия Бай?

Наконец, до всех дошло, и взгляды мгновенно устремились к Бай Цзыму. В деревне был лишь один человек с такой фамилией — гэфу семьи Цзян.

Госпожа Цянь, только утром пережившая потрясение, получила новую порцию, и лицо её побелело.

Бай Цзыму посмотрел на слугу из ямэня и, почесав голову, растерянно моргнул.

— Не помнишь меня? — слуга, видя, что его не узнали, ничуть не обиделся, а с улыбкой почтительно произнёс: — Девять дней назад ты приходил в ямэнь оформлять регистрацию, и я...

— А, так это ты! — после его напоминания Бай Цзыму наконец вспомнил. В тот день он так расхвастался, что старый главный писарь совсем пал духом, и этот самый парень бегал покупать ему паровые булочки.

— Так ты, оказывается, здесь живёшь! — с улыбкой заговорил слуга.

Под изумлёнными и потрясёнными взглядами всей деревни Бай Цзыму кивнул:

— Да, я здесь приходящий зять.

Слуга на мгновение замер, а затем, рассмеявшись, посмотрел на стоявшего рядом Цзян Сяои и тут же спросил:

— Должно быть, это муж младшего брата?

Цзян Сяои, всё ещё не пришедший в себя, инстинктивно кивнул.

Слуга рассыпался в комплиментах:

— Муж младшего брата выглядит таким добродетельным и трудолюбивым! Братец Бай, тебе очень повезло.

Эти слова пришлись Бай Цзыму по душе.

— Старина, у тебя намётанный глаз!

Слуга расхохотался и, заметив у его ног два мешка, тут же предложил взвесить их вне очереди.

Бай Цзыму, изображая из себя просветлённого мудреца с необъятной душой, махнул рукой:

— Не нужно. Нужно соблюдать очередь. Влезать без очереди — дурной тон, а я человек хороший, культурный и совестливый.

Слуга снова рассмеялся. Будь на его месте кто-то другой, он бы, конечно, плюнул и пробормотал себе под нос «не ценит хорошего отношения», но с Бай Цзыму он не смел так поступать.

Во-первых, этот человек был знаком с главным писарем. Во-вторых, он уже стал туншэном. Хоть и сдал экзамен с худшим результатом, но уже одной ногой стоял на пути к чиновничьей карьере, что делало его куда значимее простого люда. К ним нельзя было не относиться с почтением.

Впрочем, многие так и останавливались на ступени туншэна. Ведь экзамены на чин — дело трудное. Уездный экзамен — это мелочь, а вот областной и академический — вот где настоящая сложность. Сколько людей до старости пытались сдать областной экзамен, но так и не смогли.

Какое будущее ждёт этого человека, пока неизвестно, но, как говорится, «человек не бывает бедным всю жизнь, и черепаха когда-нибудь переворачивается, и восточный ветер сменяется южным». В любом случае, заводить с ним знакомство было выгоднее, чем враждовать.

Поэтому с ним следовало дружить и ни в коем случае не ссориться.

Деревенские жители, наблюдая за заискивающим поведением слуги перед Бай Цзыму, были в полном шоке.

Некоторые слуги из ямэня любили размахивать куриным пером как боевым знаменем, приезжая в деревню, они вели себя высокомерно, строили из себя важных чиновников, будто они тут главные. Чуть что не по ним — в лучшем случае обругают, в худшем — за меч схватятся.

Поэтому деревенские их боялись. За всю свою жизнь они никогда не видели, чтобы слуга из ямэня вёл себя так: говорил с человеком с улыбкой на лице, рассыпаясь в любезностях.

Может, Бай Цзыму и этого слугу избил?

Вряд ли.

Если бы тот его действительно избил, то при встрече боялся бы, робел, а не заискивал и не льстил.

Этот гэфу, которого наняла семья Цзян, разве не беженец? Откуда у него знакомства с чиновниками из ямэня?

— Давно не виделись, братец Бай, а ты всё такой же видный и элегантный!

— Какой там элегантный, старина, ты преувеличиваешь. Я просто так вырос, — выпятил грудь Бай Цзыму.

Слуга с искренним видом произнёс:

— Эх, братец Бай, не стоит себя недооценивать. Путь благородного мужа начинается с первого шага, и скромность — его главное украшение.

— Верно, верно.

Деревенские жители: «...»

О чём они вообще говорят?

Бай Цзыму говорил с ним без всякого подобострастия, ни капли не боясь, словно слуга из ямэня в его глазах был никем.

Староста, вспомнив о его документах, помрачнел.

Цзян Сяои стоял рядом с Бай Цзыму, близко к слугам. Деревенские не решались расспрашивать, поэтому дёргали тётушек из старшей и второй ветвей семьи.

Но те и сами ничего не понимали!

Они тоже были в полном недоумении!

Те, кто уже сдал зерно, не уходили, а, как и остальные, остались поглазеть на «представление».

Семья Цзян жила в конце деревни, далеко от гумна, но зерна у них было мало, так что донести его было быстро. А вот те, у кого было много зерна, не могли управиться за один раз и потому запаздывали.

Но к этому времени все уже собрались.

— Цзян Чжэн? — спросил слуга.

Отец Цзян кивнул:

— Это я.

Слуга посмотрел в книгу, сказал, сколько зерна должна сдать семья дяди, и обратился к двум своим товарищам:

— Проверили? Взвешивайте!

В те времена не было ни электронных, ни платформенных весов, только рычажные.

На электронные и платформенные весы достаточно встать или положить на них предмет.

А рычажные весы — это металлический шест с подвешенной к нему небольшой круглой платформой или крюком. На шесте были нанесены отметки. При взвешивании использовался принцип рычага. Мелкие предметы можно было класть прямо на платформу, а большие и тяжёлые приходилось подвешивать на крюк с помощью верёвки, а шест нести вдвоём.

Работа была тяжёлой, и слуги из ямэня, конечно, не собирались делать её сами. Чья очередь была взвешивать, те мужчины и несли.

Отец Цзян и второй дядя уже собирались подойти, как Бай Цзыму увидел свой шанс.

Возможность проявить себя.

По дороге сюда Цзян Сяои рассказал ему, что тот мужчина, который пытался его остановить во время драки с мясником Чжаном, был Отец Цзян.

Бай Цзыму тогда подумал, что это родственник мясника, и не стал сдерживаться, наговорив ему дерзостей. Узнав, что это был дядя, он замолчал.

Дядя, наверное, теперь на него в обиде.

Это нехорошо.

Он и раньше видел тётушек, но когда Цзян Сяоэр кашлял кровью, Отец Цзян тоже приходил, но у Бай Цзыму тогда так болел живот, что ему было не до разглядывания людей.

Только что, увидев Старшего дядю, он как раз думал, как бы исправить сложившееся о нём впечатление.

И вот, пожалуйста.

Бай Цзыму умел ловить момент. Он тут же улыбнулся, приняв самый послушный вид.

— Отец, давайте я, давайте я! Эта работа не для ваших старых костей. Что, если вы надорвёте спину? — он похлопал отца по спине, говоря с предельной искренностью. — Простите за то, что было. Но, как говорится, не побьёшь — не познакомишься. Верно ведь говорят, а?

Отец Цзян: «...»

Отец Цзян тоже потерял дар речи.

— Второй дядя, и вы оставьте, я сам, — сказал Бай Цзыму.

Весы нужно было нести вдвоём, каждый с одного конца, Бай Цзыму один бы не справился. Второй дядя уже хотел было что-то сказать.

Тот, что был с книгой, видимо, главный, тут же вмешался:

— Ай-яй, братец Бай, мы же здесь, братья! Как можно позволить тебе заниматься такой грязной работой? Мы сами справимся, а ты отдохни в сторонке.

Два других слуги, услышав это, хоть и не были знакомы с Бай Цзыму, но раз уж старший так сказал, тут же принялись помогать дяде со взвешиванием.

Ни больше ни меньше, ровно столько, сколько нужно.

На самом деле, это была простая формальность. Большинство деревенских жителей не осмеливались хитрить у них на глазах. Зерна для налога они сдавали либо ровно, либо даже с избытком.

Но если не взвешивать всё заново на глазах у всех, со временем люди могли бы обнаглеть. «Всё равно господа-чиновники не взвешивают, утаю-ка я пять-шесть цзиней, никто и не заметит». А когда зерно привезут в ямэнь и обнаружат недостачу, как разобраться, чей это мешок, если в деревне столько людей, а мешки все одинаковые?

Чтобы избежать подобных ситуаций, эта формальность была необходима.

Деревенские молча наблюдали за происходящим.

Если утром, когда он избивал мясника Чжана, они боялись Бай Цзыму, то теперь к страху примешивалось и почтение. Они смотрели на него совсем другими глазами.

Многие молодые невестки бросали на Цзян Сяои взгляды, полные жгучей зависти.

Раньше, завидев Бай Цзыму, все бесцеремонно его разглядывали, но теперь не смели.

Однако семья Сунь и тётушка Линь отнеслись к этому с презрением.

Подумаешь, знаком с каким-то слугой из ямэня! Что в этом такого?

К тому же, кто знает, может, Бай Цзыму, зная, что в деревне за спиной его называют бездельником, заранее подкупил слуг, чтобы те разыграли для них этот спектакль?

Хотя слуги из ямэня и были влиятельны, но ведь за деньги и черти будут молоть муку.

Услышав, как один старик наставляет свою жену впредь не болтать лишнего о Бай Цзыму, раз тот знаком с людьми из ямэня и его нельзя обижать, старуха Сунь скривила губы.

Она считала, что все они просто тёмные люди. Её зять не то что со слугами, он и с уездным судьёй виделся, и даже с императорской гвардией общался, и даже разговаривал с ними.

Говорили, что эти гвардейцы прибыли из далёкой столицы, это личная охрана императора, они каждый день видят государя, могут напрямую докладывать ему, и никто, кроме самого императора, им не указ. Даже уездный судья должен уступать им дорогу.

Слуги из ямэня перед ними — ничто.

Вот её зять, который с ними разговаривал, — вот это действительно круто.

Пока она так думала, впереди послышался шум.

Все инстинктивно обернулись и увидели, как со стороны въезда в деревню движется отряд солдат. Два взвода, человек тридцать, шли ровным строем, их доспехи при движении издавали лёгкий скрежет.

Деревенские их не узнали. Они решили, что это обычные солдаты, но их белые доспехи отличались от тех, что они видели раньше...

Бай Цзыму посмотрел на приближающихся гвардейцев, на их выправку, на их стать...

Затем он взглянул на трёх слуг из ямэня позади себя, и почему-то у него возникло ощущение, будто он видит рядом «товар с картинки» и «товар в реальности».

Эти трое братьев-слуг на их фоне выглядели просто жалко.

Слуги, завидев их, поспешили вперёд, чтобы поприветствовать. Командир гвардейцев махнул рукой, велел им отойти в сторону.

— Кто здесь староста?

Староста, увидев их, понял, что эти люди непростые. Он даже дышать боялся, говорил заикаясь, и тут же бухнулся на колени.

— Я... я.

— Не нужно таких церемоний, старик, встаньте, — командир обвёл всех взглядом. — Все ли жители деревни здесь?

— Нет, не все, — дрожащим голосом ответил староста, на лбу у него выступил холодный пот. Увидев, что командир слегка нахмурился, он тут же добавил, что все взрослые здесь, только дети, маленькие и неразумные, остались дома, чтобы не мешать господам-чиновникам.

Услышав это, командир гвардейцев подал знак рукой.

Один из гвардейцев достал длинный свиток и развернул его перед толпой.

Бай Цзыму узнал объявление о розыске, которое видел в прошлый раз.

Деревенские жители хоть и часто ходили на рынок, но в основном бродили по Западной улице, к ямэню подходили редко, к тому же были неграмотными, так что, даже если объявление там и висело, они не знали, что на нём написано.

Поэтому неудивительно, что гвардейцы прибыли в деревню.

Но Бай Цзыму всё же был немного озадачен.

По идее, после стольких долгих и безуспешных поисков гвардейцы должны были уже вернуться в столицу. Когда он в прошлый раз оформлял регистрацию, главный писарь тоже говорил, что из других городов гвардейцев уже отозвали, и только в их Пинъяне они остались, без конца прочёсывая окрестности, готовые, казалось, перекопать всю землю.

Раз они не уходят, люди в ямэне целыми днями ходят на нервах, в страхе и напряжении.

Но почему они не уходят?

Гвардеец держал в руках свиток с изображением и спрашивал, не видел ли кто-нибудь этого человека.

Деревенские дружно качали головами.

Командир гвардейцев, казалось, был разочарован. Уходя, он строго наказал: если кто-нибудь увидит этого человека, немедленно доложить. А кто будет знать и не доложит, того ждёт истребление всего рода до девятого колена.

Это было очень страшно.

Все от страха готовы были снова упасть на колени, без конца повторяя:

— Да, да, конечно.

Гвардейцы как появились, так и исчезли.

Бай Цзыму не мог понять, что происходит, да и сами гвардейцы тоже.

— Старший брат, — спросил по дороге один из младших гвардейцев у командира, — мы же уже обыскивали Пинъян, почему снова начали поиски?

Командир покачал головой:

— Я и сам не знаю, но сверху пришёл приказ снова всё тщательно проверить, перекопать всю землю.

Деревня Сяошань находилась на некотором расстоянии от города и была довольно бедной. Во время прошлых поисков гвардейцы сосредоточили своё внимание на Пинъяне и нескольких крупных деревнях вокруг. Тщательно всё обыскав и никого не найдя, они должны были немедленно возвращаться, но на днях из столицы пришёл срочный приказ: Пинъян и все подчинённые ему деревни проверить заново.

У командира гвардейцев были связи наверху, и он послал письмо с вопросом. Оказалось, что дело не в том, что Пинъян был каким-то особенным, а в том, что в столице выяснили: местом регистрации брата Хао, когда он поступал на службу евнухом, был указан управа Аньхэ, город Пинъян, деревня Шилитунь.

Получив приказ, командир гвардейцев тут же повёл своих людей в Шилитунь, но, задав вопрос, остолбенел.

— Господин чиновник, кого вы ищете?

— Брата Хао.

— Не знаем такого!

— Он выглядит вот так. Подумайте хорошенько, может, он из вашей деревни.

— Нет! У нас в деревне такого нет.

— Но у нас был дядя Хао.

— Где он?

— Он ушёл, когда я был ещё ребёнком, сказал, что хочет повидать мир, совершить великие дела. Господин чиновник, это не может быть дядя Хао. Когда мне было семь, дяде Хао было уже лет двадцать. Сейчас мне семьдесят, если дядя Хао ещё жив, ему, должно быть, уже за девяносто.

Но последующая проверка показала, что за последние сто лет в Шилитуне был только один пришлый человек — дядя Хао.

Но старик сказал, что дядя Хао должен быть уже очень старым...

Проверив в ямэне, они обнаружили, что регистрационные данные брата Хао полностью совпадали с информацией, оставленной дядей Хао.

Главный писарь, который в то время занимался регистрацией, уже умер, но, судя по записям, за все эти годы в Шилитуне поселился только один человек — дядя Хао.

Регистрационные данные совпадали, а люди были разные.

Значит, регистрация либо брата Хао, либо дяди Хао была поддельной. Но информация о регистрации брата Хао пришла сверху, а сверху обманывать не станут!

Чем больше командир гвардейцев расследовал, тем больше запутывался.

И не только он, даже Чжоу Чуло был в недоумении.

В это время в императорском кабинете Чжоу Чуло сидел у окна.

Его мать была дочерью маркиза, при жизни славилась своей красотой, позже стала супругой наследного принца. Чжоу Чуло был её родным сыном, и внешностью своей он, конечно, не уступал.

Он был красив, с чётко очерченными чертами лица, тёмными, глубокими глазами. Фигура его была стройной и прямой, как бамбук. Вероятно, от долгого пребывания у власти, да ещё и от того, что жёлтый халат был застёгнут на все пуговицы, так что даже кадыка не было видно, он выглядел холодным, аскетичным и немного бессердечным.

Но нельзя было не признать, что он был чертовски красив.

В это время перед ним на коленях стояли два человека — его правая и левая рука.

Один — его личный евнух Ма.

Другой — министр Двора императорских финансов Фэн Чжэнхэ.

Чжоу Чуло нахмурился так, что на лбу пролегли глубокие морщины.

— Нашли какие-нибудь зацепки?

Голос его был ледяным.

Евнух Ма служил ему с тех пор, как тот ещё пешком под стол ходил, и знал его лучше всех. Услышав этот тон, он понял, что император в крайне дурном настроении.

Он не осмелился ответить и толкнул локтем Фэн Чжэнхэ, намекая, чтобы тот говорил.

Он боялся, но Фэн Чжэнхэ боялся ещё больше.

С тех пор как исчез брат Хао, Чжоу Чуло стал вспыльчивым и непредсказуемым. Фэн Чжэнхэ в последнее время боялся даже встречаться с ним. В такой момент, когда император явно не в духе, кто бы ни попался ему под горячую руку, тому не сносить головы. А этот старый евнух ещё хочет, чтобы он отвечал! Мечтать не вредно.

Они толкали друг друга, пока терпение Чжоу Чуло, казалось, окончательно не лопнуло. Он с силой ударил ладонью по столу.

— Отвечайте!

Евнух Ма, не соблюдая правил чести, тут же выпалил:

— Ваше Величество, господин Фэн действительно нашёл некоторые зацепки.

Фэн Чжэнхэ: «...»

Фэн Чжэнхэ злобно зыркнул на евнуха Ма.

Это было всего лишь предположение, как можно было об этом говорить! К тому же, предположение было весьма нелепым.

Но теперь ему придётся говорить.

— Ваше Величество, — он достал из-за пазухи два жёлтых талисмана и протянул их обеими руками. — Извольте взглянуть.

На обоих талисманах были начертаны даосские символы, которые обычный человек не смог бы разобрать.

Но, присмотревшись, можно было заметить, что один из них был довольно старым, видимо, долго хранился в сундуке, но сохранился не очень хорошо — края были слегка изъедены насекомыми, на нём виднелись маленькие дырочки.

Другой же Чжоу Чуло был до боли знаком. Этот проклятый евнух Хао, вечно бормочущий что-то себе под нос, раньше обклеивал свою комнату такими же бумажками. Чжоу Чуло тогда ещё спросил его, зачем он это делает, а тот с усмешкой ответил — от призраков.

Чжоу Чуло уставился на два талисмана и тоже заметил кое-что странное.

Надписи на них, скорее всего, были сделаны одной и той же рукой.

У разных людей разный почерк.

То же самое и с даосскими символами.

У разных даосов нарисованные ими талисманы, их символы, размер и начертание штрихов — всё отличается.

Чжоу Чуло с мрачным лицом, чувствуя, как внутри всё сжимается, сказал:

— Если я не ошибаюсь, это всё нарисовал тот проклятый евнух.

Фэн Чжэнхэ тут же подхватил:

— Ваше Величество мудры.

Евнух Ма: «...»

Этот человек никогда не упускал случая подлизаться.

— Мне тоже кажется, что они сделаны одной рукой, — Фэн Чжэнхэ взглянул на Чжоу Чуло и, увидев, как тот нахмурился, явно раздражённый, тут же добавил: — Но... Ваше Величество, тот талисман, что у вас в левой руке, принадлежал моему деду.

Услышав это, Чжоу Чуло нахмурился ещё сильнее.

— Что ты сказал?

— Я не смею лгать, Ваше Величество. Этот талисман действительно остался от моего деда, ему уже двадцать лет.

На самом деле, Фэн Чжэнхэ и сам был в недоумении.

После исчезновения брата Хао Чжоу Чуло тут же отдал приказ о его поимке, но тот оказался очень изворотливым, и как бы гвардейцы ни старались, они не могли его догнать.

После того как брат Хао сбежал из столицы, его и след простыл. На всех заставах были расставлены люди, гвардейцы прочёсывали окрестности, местные слуги тоже были задействованы. С таким количеством людей, с такой облавой, казалось, даже муха не пролетит, но брат Хао словно испарился, никаких вестей.

Человека не могли поймать, и Чжоу Чуло становился всё более беспокойным. На утренних приёмах он то и дело срывался на чиновниках, а на днях и вовсе приказал ему взяться за это дело.

Как же горько было Фэн Чжэнхэ!

Он отправился в покои брата Хао, чтобы осмотреться, и случайно увидел жёлтую бумажку, приклеенную к доске кровати. Она показалась ему знакомой, будто он её уже где-то видел. Позже, вернувшись домой, он за ужином невзначай упомянул об этом. Его отец спросил: «Жёлтый талисман?»

Какой ещё жёлтый талисман?

Как только Фэн Чжэнхэ его достал, отец тут же схватил палку и набросился на него, крича, что он совсем распоясался, давно не мылся и кожа чешется, раз посмел трогать вещи его деда.

Только тогда Фэн Чжэнхэ вспомнил, что видел этот талисман, когда после смерти деда помогал разбирать его вещи. Прошло много лет, и он забыл, только чувствовал, что где-то его уже видел.

Позже, внимательно сравнив, он обнаружил, что оба талисмана, и материал, и символы на них, были абсолютно одинаковыми.

Неужели их нарисовал один и тот же человек?

Чжоу Чуло с мрачным взглядом провёл кончиком пальца по талисману.

— Откуда у правого канцлера этот талисман?

Дед Фэн Чжэнхэ когда-то был правым канцлером Великой Чжоу.

Фэн Чжэнхэ, конечно, уже спросил об этом у отца.

— Отец сказал, что это подарок от Государственного наставника на шестидесятилетие деда.

В Великой Чжоу был только один Государственный наставник — Бай.

Государственного наставника Бая привёл во дворец ещё прадед Чжоу Чуло, когда тот был у власти. Он был молодым даосом, которого тот встретил во время своих странствий.

<http://bllate.org/book/13701/1592766>